

конструкцию причастий страдательного залога и усложненную конструкцию относительных форм, автор вводит в эти описания меткий термин — «направление действия», указанное предлогом. Благодаря этому в значительной степени облегчается понимание сущности этих конструкций.

В разделах книги, рассматривающих другие части речи, также можно найти интересные мысли и предположения. Так, например, говоря о междометиях, автор подчеркивает, что это единственная категория служебных слов, которые в письме имели определители (детерминативы). По убеждению автора, они «выражали не только симптомы, но и определенное понятие чувства и побуждения (не пазывая его!), на что указывает их определитель, свойственный, например, глаголам отношения и желательности» (стр. 262). Удачно предлагаемое автором деление сложноподчиненных предложений на одночленные, т. е. такие, в которых «управляемое (придаточное) предложение несет функцию одного из членов главного предложения», и двучленные, в которых главное и придаточное предложения имеют свои главные члены.

Оригинально также написан раздел о египетской лексике. Автор правильно отмечает «чрезвычайную конкретность мышления египтян и отсюда точность и конкретность слов и выражений»; привлекает к себе внимание его мимолетное, но вполне правильное замечание о том, что «выделение синонимов и, главное, решение вопроса, какие стороны одного понятия отражены синонимами, имеет большое значение, особенно в случае обществено-экономических терминов» (стр. 77), и т. д.

В параграфе о заимствовании египетских слов другими языками читатель с интересом прочтет данные, показывающие египетское происхождение русского глагола *скитаться*, и на ряде других при-

меров убедится в серьезности вклада египетской лексики в сокровищницу мировой культуры.

Мы не можем сейчас остановиться на всех разделах интересной книги Н. С. Петровского, написанной с большим знанием дела. Укажем, однако, на одну неточность. Сомнительно, например, заявление, что демотический язык был промежуточной ступенью между новоегипетским и коптским: приведя это утверждение, автор ссылается на работу Б. А. Тураева¹. Но работа Б. А. Тураева была опубликована в 1920 г., а в 1925 г. К. Зете установил, что демотический язык был последней ступенью развития новоегипетского и что коптский язык не потомок демотического, а разговорный язык египетского народа тех времен, когда демотический был литературным и письменным языком страны².

Правда, таких неточностей в книге Н. С. Петровского мало, и они ни в какой мере ее не обесценивают. Редактор книги В. В. Струве в своем предисловии отметил, «что некоторая недостаточность иллюстративного и справочного аппарата, выражающаяся в отсутствии индекса, ограниченном количестве примеров, в отсутствии указанной на источник последних и т. п., вызвана лишь требованием в виде первого опыта издать сжатый, краткий курс египетского языка». Несмотря на это, труд Н. С. Петровского является весьма ценным вкладом в нашу отечественную науку и будет встречен нашей научной общественностью с большим интересом.

М. А. Коростовцев

¹ См. Б. А. Тураев, Египетская литература, т. I. М., 1920, стр. 229.

² См. К. Sethe, Das Verhältniss zwischen Demotisch und Koptisch und seine Lehren für die Geschichte der Ägyptischen Sprache, «Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft», Bd. 79, 1925.

СТРУКТУРАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА С. УЛЬМАНА

Структурализм не является законченной лингвистической теорией, так как семантический аспект языка не изучался систематически и всесторонне ни представителями Пражского лингвистического кружка, ни последователями Л. Ельмслева, ни сторонниками дескриптивной лингвистики Л. Блумфилда. В трудах основоположников структурализма имеются лишь отдельные отрывочные замечания по вопросам семантики, лишенные внутреннего единства¹. Их противоречивость объяс-

няется тем, что одни ученые исходят из представления о системности семантических явлений и поэтому склонны рассматривать семантику как лингвистическую дисциплину (ср. Ф. де Соссюр, Н. Трубецкой, отчасти В. Брэндалл), а другие отрицают системность семантики и поэтому исключают ее из области лингвистики (Л. Блумфилд, Л. Ельмслев). Единственная известная нам попытка создать законченную структуральную теорию семантики

¹ См. Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 124; Л. Ельмслев, Структуральный метод в лингвистике, «Acta linguistica», vol. VI, Co-

penhague, 1950—1951, стр. 58; V. B r ø n d a l l, Essais de linguistique générale, Copenhague, 1943, стр. 118; N. S. T r o u b e t z k o y, Principes de phonologie, Paris, 1949, стр. 3.

принадлежит С. Ульману, к анализу работ которого мы и обратимся. Работы С. Ульмана заслуживают рассмотрения еще и потому, что 1) вопросы семантики изложены в них на широком фоне общелингвистической проблематики, 2) в них обобщен и воплощен в рамках единой теоретической системы наиболее ценный опыт семантических школ XIX и XX столетий, 3) в них по-новому поставлены некоторые коренные вопросы семантики, 4) в них сделана попытка преодолеть «кризис семантики» и 5) применить общие принципы к конкретному исследованию семантических систем различных языков.

Семантическая концепция С. Ульмана, основные контуры которой были намечены в его очерке «Слова и их употребление»¹, приняла законченный вид в его главной работе «Принципы семантики»² и была практически применена в монографии «Очерк французской семантики»³ и статье «Дескриптивная семантика и лингвистическая типология»⁴.

1

Изложение работ С. Ульмана естественно начать с ключевого вопроса о том, как он понимает роль семантики в системе языка и какое место отводит ей в структуре лингвистики. Подобно всем структуралистам, С. Ульман отвергает традиционное деление языкознания на фонетику, морфологию, синтаксис и семантику. В основе схемы аспектного деления лингвистики, предлагаемой в его работах, лежит анализ языковых знаков с точки зрения их функций, их внутренней структуры и их отношений во времени и пространстве. Основными знаками или единицами языка Ульман считает фонемы, слова и синтагмы. Функция фонем сводится к тому, чтобы различать значения, хотя сами фонемы значениями не обладают. Слова обозначают предметы, а синтагмы передают отношения между ними. Эти единицы изучаются соответственно фонологией, лексикологией и синтаксисом.

На это тройное деление лингвистики как бы наслаивается новое, двойное деление, которое, однако, не охватывает фонологии, поскольку у фонем нет значений. С. Ульман различает две стороны языковых знаков: внешнюю сторону (обозначающее) и семантическую сторону (обозначаемое). К знакам можно подходить, следовательно, с морфологической и се-

мантической точек зрения. Лексикология делится соответственно на лексическую морфологию (сюда входит и вся теория словообразования) и лексическую семантику, а синтаксис — на синтаксическую морфологию (анализ формальных приемов передачи отношений) и синтаксическую семантику (анализ их функций).

Рассмотрение знаков языка с точки зрения их соотношения во времени и пространстве (синхрония и диахрония) дает новый критерий, в силу которого каждая из пяти лингвистических дисциплин подразделяется на синхроническую и диахроническую⁵. Всего выделяется, таким образом, 10 лингвистических дисциплин, из которых С. Ульман занимается двумя: синхронической лексической семантикой и диахронической лексической семантикой⁶.

2

Центральным понятием лексической семантики является понятие значения, анализ которого ведется на основе схемы «треугольности соотносительности» С. К. Огдена и И. А. Ричардса, включающей три элемента: символ (звуковой комплекс слова), мысль о вещи и самую вещь. Звуковой комплекс слова С. Ульман называет именем, а мысль о вещи (т. е. понятие) — смыслом. Вслед за Ф. де Соссюром С. Ульман отказывается от анализа отношений смысла и вещи как задачи по существу логической. Значение определяется как «взаимоотношение имени и смысла, которое дает им возможность вызывать в представлении друг друга» (W, стр. 33; PS, стр. 70; PSF, стр. 23; DSLT, стр. 228). Из этого «функционального» определения значения выводятся все категории синхронической и диахронической семантики.

Категории синхронической семантики. В ряде случаев значение — это отношение одного имени к одному смыслу. Такое соотношение называется простым значением. В более сложных ситуациях один смысл может быть связан с несколькими именами или, наоборот, одно имя может быть связано с несколькими смыслами. Такое соотношение называется сложным значением (W, стр. 34—44; PS, стр. 83—105; PSF, стр. 101—160; DSLT, стр. 228).

⁵ Сходные идеи развивает П. Гиро (см. P. Guiraud, *La sémantique*, Paris, 1955).

⁶ В этой схеме стилистика не обособляется в отдельную отрасль лингвистики, поскольку «любая область синхронической системы может быть проанализирована и оценена с точки зрения стилистики... Дело заключается в том..., чтобы исследовать те же явления под другим углом зрения» (PSF, стр. 46).

¹ S. Ullmann, *Words and their use*, New York, 1951 (в дальнейшем сокращенно — W).

² Е го же, *The principles of semantics*, Glasgow, 1951 (сокращенно — PS).

³ Е го же, *Présis de sémantique française*, Berne, 1952 (сокращенно — PSF).

⁴ Е го же, *Descriptive semantics and linguistic typology*, «Word», vol. 9, № 3, 1953 (сокращенно — DSLT).

Основными характеристиками простого значения являются: 1) относительная мотивированность имени, 2) относительная нечеткость смысла, которая объясняется особенностями процессов абстрагирования и неясностью очертаний самих вещей, 3) способностью имени и смысла обладать определенными эмоциональными характеристиками.

С. Ульман четко разграничивает условность имен, как качество абсолютное, и их мотивированность, как качество относительное. Различается фонетическая мотивация (звукоподражание), морфологическая мотивация (ср. англ. *lead-er-ship*) и семантическая мотивация (ср. англ. *foot of a hill*). Фонетическая мотивация тесно связана с эмоциональными элементами простого значения. Внутренним источником его эмоциональности являются эмоциональные характеристики имени (ономатопея) и смысла. Здесь Ульман приводит в качестве примера такие слова, как *свобода*, *права*, *тирания*, которые, по его мнению, выполняют главным образом экспрессивную функцию. Внешним источником эмоциональности простого значения являются «обертоны» архаизмов, заимствованных слов, технических и иных терминов и т. д. Их экспрессивная функция сводится к тому, чтобы вызывать в воображении атмосферу, с которой эти слова привычно ассоциируются.

Все эти качества простого значения присутствуют в равной мере сложному значению, дополнительными характеристиками которого являются синонимия (один смысл — несколько имен), сдвиги в употреблении, полисемия, омонимия (одно имя — несколько смыслов). Анализируя эти категории, Ульман выдвигает ряд новых и интересных идей (W — стр. 45; PS — стр. 106—137; PSF — стр. 180—235).

Развивая положения Ш. Балли о синонимическом ряде как ассоциативной группе, Ульман под иным углом зрения рассматривает некоторые диахронические тенденции, в частности, формальный процесс контаминации синонимов (*glimmer* = *gleam* + *shimmer*) и семантические процессы ассимиляции и диссимиляции синонимов. Основным случаем ассимиляции является синонимическая аналогия, в результате которой все слова данного синонимического ряда приобретают новое значение, если оно возникает у одного из его членов. Диссимиляция проявляется в широко известных процессах дифференциации и конкуренции синонимов. С. Ульман считает эти процессы показателями прочности и постоянства синонимических групп и свидетельством того, что синонимы действительно ассоциируются в сознании.

Заслуживает внимания выделение так называемых сдвигов в употреблении слов (ср. англ. *healthy* в сочетаниях *healthy climate*, *healthy constitution*) как промежуточного звена между простым значением (моносемией) и полисемией. Сдвиги в упо-

треблении являются одним из источников полисемии, а последним этапом семантического развития является омонимия, так как она приводит к распаду полисемии и образованию двух разных слов.

Широко освещен С. Ульманом вопрос об источниках полисемии. Не ограничиваясь изложением традиционных положений по этому вопросу, он указывает, что полисемия может развиваться в результате семантического влияния по аналогии¹ и из омонимии, которая переходит в полисемию путем сближения смыслов.

Интересны мысли Ульмана по поводу структурной роли полисемии и омонимии в языке. В отличие от Ж. Жильерона и его последователей, которые склонны были преувеличивать «патологические» последствия полисемии и омонимии, Ульман считает, что патологическая ситуация в случае многозначности возникает лишь тогда, когда у одного имени развиваются два или более несовместимых смысла, способных целесообразно фигурировать в одном и том же контексте. На пути так называемых омонимических столкновений стоят различия в написании, грамматические различия, различия «сфер мысли», к которым принадлежат обозначаемые омонимии явления, и контекст.

К а т е г о р и я д и а х р о н и ч е с к о й с е м а н т и к и. С. Ульман исходит из того, что между синхронией и диахронией существует неразрывная связь. Это положение, выгодно отличающее систему С. Ульмана от построений других структуралистов, предполагает системность диахронии.

Двумя основными проблемами диахронической семантики, по мнению С. Ульмана, являются проблема семантических изменений и проблема семантического закона. Он пишет: «Если значение понимается как взаимоотношение имени и смысла, то можно сказать, что семантическое изменение происходит в тех случаях, когда смысл приобретает новое имя или имя приобретает новый смысл» (PS — стр. 171). Семантическое изменение происходит либо в результате лингвистического консерватизма (ср. *to sail* «плыть под парусом», «плыть»), либо в результате семантического новшества. При изменении значения, связанного с семантическим новшеством, возможны два основных случая: перенос имен и перенос смыслов. При этом обращается внимание на то, происходит ли перенос значения на основе ассоциации по сходству или ассоциации по смежности. Возможны также комбинированные изменения. Пример переноса имен на основе сходства смыслов — *leg of a table* «ножка стола»; пример переноса

¹ Ср. англ. *to realize*, заимствованное из французского со значением «реализовать»; позднее в английском развилось значение «понимать», перешедшее по аналогии к франц. *réaliser*.

имен на основе смежности смыслов — *town* в значении «жители города». Пример переноса смыслов на основе сходства имен — народная этимология; пример переноса смыслов на основе смежности имен — превращения французских слов *pas*, *point*, *personne* и др. в отрицательные частицы в связи с их ассоциацией с отрицательной частицей *ne* в рамках одного предложения.

Помимо этой универсальной классификации типов изменения значений, представляют интерес соображения С. Ульмана по поводу существа и причин семантических изменений, на которых, однако, мы не имеем возможности остановиться.

Такова в самых общих чертах схема синхронической и диахронической семантики, изложенная в работах С. Ульмана. Она выдвигается как основа структурального анализа любого языка. Широкий охват материала позволяет С. Ульману сделать ряд новых и важных выводов о взаимосвязи, взаимозависимости и взаимоприковнении всех основных семантических категорий (мотивированности, ономатопеи, эмоциональных элементов, синонимии, сдвигов в употреблении, полисемии, омонимии, изменения значения и т. д.). С. Ульман показывает, что несмотря на бесконечное разнообразие семантической проблематики, несмотря на кажущуюся противоположность методов и целей представителей различных школ и внешнюю несовместимость их выводов, результаты на первый взгляд разрозненных поисков, добытые ими в течение десятилетий кропотливой работы, не только могут быть примирены, но внутренне дополняют, подтверждают и обогащают друг друга.

Тем не менее многое в работах С. Ульмана вызывает возражения. «Функциональное» определение значения как отношения звукового комплекса и понятия, выражаемого словом, не может быть признано убедительным. Оно ведет к возникновению внутренних противоречий в схеме С. Ульмана. Одной из основных единиц языка С. Ульман считает слово, но критерий слова фигурирует в его работах лишь до тех пор, пока он говорит о его автономности. В дальнейшем понятие слова растворяется в категориях «имени» и «смысла», и все основные понятия синхронической семантики (простое значение, т. е. моносемия, и сложное значение, т. е. синонимия, сдвиги в употреблении, полисемия и омонимия) определены как отношение некоторого числа имен к некоторому числу смыслов. Реалистический взгляд на факты языка, однако, заставляет С. Ульмана быть непоследовательным и позднее он вновь вводит в свои рассуждения критерий слова: при полисемии смыслы ощущаются говорящим как принадлежащие одному слову, а омонимия — это внешнее совпадение двух разных слов.

Именно тем, что С. Ульман сам сознает узковязность своих исходных положений,

объясняется тот на первый взгляд парадоксальный факт, что, потратив столько усилий для определения значения, он в дальнейшем не использует этого термина, продолжая оперировать категориями имени и смысла. Это, конечно, не случайность. Логическое развитие его схемы приводит к абсурдным заключениям, ведущим не только к смешению полисемии и омонимии, но и к смешению синонимии и полисемии, синонимии и омонимии. В самом деле, если значение есть отношение имени к смыслу, то при наличии у смысла *A* трех имен *L*, *M* и *N* получаем три значения (по числу отношений *AL*, *AM*, *AN*); три значения получаем и в том случае, если с именем *L* ассоциируются смыслы *A*, *B* и *V* (*LA*, *LB*, *LV*).

Работы С. Ульмана, представляющие собой компендиум всей современной семантики, отражают не только ее достижения, но и ее слабости. В его книгах обращает на себя внимание недостаточная разработанность критериев семантических явлений. В качестве критерия синонимичности Ульман выдвигает в своих работах принцип взаимозаменяемости синонимов в любом контексте. Этот принцип, однако, не может быть последовательно применен, поскольку почти не существует синонимов, которые не отличались бы друг от друга или с семантической, или с эмоционально-стилистической точки зрения¹. Большинство синонимов С. Ульман провозглашает поэтому квази- или псевдосинонимами и в последних работах приходит к выводу об иллюзорности и бесплодности изучения проблем синонимии, за

¹ В связи с вопросом о возможных различиях между синонимами следует отметить, что С. Ульман совершенно не рассматривает морфолого-синтаксических особенностей синонимов типа *little*, *small* «маленький» (первое прилагательное в значении небольшого размера не имеет сравнительной и превосходной степени); *lonely*, *alone* «одинокий» (второе слово употребляется только в предикативной функции). Анализ морфолого-синтаксических различий в использовании синонимов важен не только с точки зрения полноты описания материала. Он позволяет фиксировать связь между словарем и грамматикой и создает прочную основу для изучения некоторых грамматических явлений, прежде всего явления супплетивности. Др.-англ. *þan* («идти») и *wendan* (непереходное значение «идти, поворачиваться») были синонимами, а затем, в связи с закреплением *wendan* в форме прошедшего времени, они образовали супплетивную группу; ср. совр. англ. *go* — *went* — *gone*. *Small* и *little* являются синонимами в английском языке, а в датском, в результате сходных процессов, соответствующие прилагательные *lille* (ед. число) и *små* (мн. число) образовали супплетивную пару.

исключением вопроса об их происхождении и распределении в словаре. Остается неясным также, как отличать сдвиги в употреблении от полисемии и как установить, в каком случае мы имеем дело с одним и тем же словом и когда это два (или более) внешне совпадающих слова.

Не свободно от неясностей проводимое С. Ульманом разграничение простого и сложного значения. Одной из особенностей простого значения является наличие мотивированности, частным случаем которой является семантическая мотивированность (*foot of a hill*). С точки зрения самого С. Ульмана, однако, семантическая мотивированность должна быть признана отличительной чертой сложного значения, поскольку она практически реализуется в сдвигах в употреблении и полисемии. Интересно, что С. Ульман дает один и тот же пример и для иллюстрации простого значения, и для иллюстрации изменения значения, приводящего к полисемии (*foot of a hill*).

В работах С. Ульмана совсем не затронут вопрос о типах лексических значений слова. Правда, в теоретическом плане эта проблема была поставлена акад. В. В. Виноградовым только в 1953 г., но в лексикографической практике, особенно со времени опубликования 12-томного Оксфордского словаря английского языка, проводилось разграничение прямых и переносных, конструктивно и синтаксически обусловленных и необусловленных значений. С другой стороны, уже А. Дармстетер исследовал влияние синтаксической конструкции на развитие и функционирование значения¹. С. Ульман не только не развивает этих принципов — он явно недооценивает факт обусловленности значения слова рядом лексических и грамматических факторов (наличием синонимов и антонимов, синтаксическими условиями реализации и т. д.). Это происходит именно потому, что он отказывается от фиктивного понятия «функционального» значения и оперирует только логической категорией понятия (смысла), в становлении которой лингвистические факторы играют меньшую роль.

3

В работах С. Ульмана по-новому поставлен один из основных вопросов семантики — вопрос о семантическом законе.

Наиболее значительными семантическими закономерностями со времен основоположников семантики считались некоторые виды переносов, особенно перенос от конкретного к абстрактному, от физического к духовному (ср. русск. *понимать*). М. Бреаль сформулировал еще семантиче-

ский закон распределения², который является, по существу, тенденцией к дифференциации синонимов, но не законом их развития. В 1931 году Г. Стерн выдвинул свой семантический закон, сформулированный по образцу классического фонетического закона: английские наречия, которые приобрели значение «быстро» до 1300 г., в определенных условиях приобретают значение «немедленно»³. Наконец, Г. Шпербер, незадолго до Г. Стерна, сформулировал правило, пригодное для любого языка в любой период его развития: «Если в какое-то время комплекс идей наполнен такой эмоциональной силой, что заставляет слово расширять сферу своего употребления и менять свое значение, можно с уверенностью ожидать, что значения других слов, принадлежащих к тому же эмоциональному комплексу, тоже будут сдвинуты»⁴. Следует отметить, что закон Г. Стерна — это, по всей видимости, случай синонимической аналогии (см. выше), а правило Шпербера имеет не столько семантическую, сколько психологическую основу.

Новое у С. Ульмана состоит в этой области в формулировке панхронического статистического закона. С. Ульман исследовал закономерности синэстезии (или кинэстезии, т. е. интерсенсорального переноса типа *теплые краски, острые звуки, сладкие речи*) на основании выделения слов, обозначающих осязание, температуру, вкус, обоняние, слух, зрение. Он устанавливает три основные панхронические закономерности: 1) иерархическое распределение: слова, обозначающие элементарные ощущения (осязание, вкус), переносно употребляются для характеристики более сложных ощущений (слух, зрение), а не наоборот; 2) основой синэстетического переноса являются слова, обозначающие различные виды осязания; 3) эти слова в новых значениях выражают понятия, связанные со слуховыми ощущениями. Развитие происходит в указанном направлении в 70—80% случаев, но возможны и исключения. Поэтому названная тенденция формулируется как панхронический статистический закон, закон средних цифр.

Изучение синэстезии дает, несомненно, исключительно интересные результаты. Однако охват материала, рассмотренного с точки зрения закономерностей этого рода, невелик. По всей видимости, время широких обобщений в этой области не пришло.

² M. Bréal, *Essai de sémantique (science des significations)*, 5-me éd., Paris, 1911, гл. II.

³ G. Stern, *Meaning and change of meaning, with special reference to the English language*, Göteborg, 1931, стр. 190.

⁴ См. H. Sperber, *Ein Gesetz der Bedeutungsentwicklung*, «Zeitschr. für deutsches Altertum», Bd. LIX, 1922, стр. 67.

¹ A. Darmesteter, *La vie des mots étudiée dans leurs significations*, Paris, 1887.

4

Попытка С. Ульмана преодолеть «кризис» современной семантики связана с идеей структуралистов о том, что новейшие структуральные приемы изучения языка могут быть совмещены с традиционной методикой сравнительно-исторического языкознания.

Для традиционной семантики, которая окончательно сложилась как наука после основополагающих исследований М. Бреарля, А. Дармстедера, М. М. Покровского, а затем Г. Пауля, А. Мейе, К. Эрмана и других, характерна была изолирующая («атомистическая») и психологическая трактовка значения, сохранившаяся в работах А. Карнуа, Г. Шпербера и других лингвистов, несмотря на введение ряда терминологических новшеств. В своей книге Г. Стерн подвел итоги этого направления и одновременно наметил новые пути развития традиционной концепции значения.

Между тем, в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра был разработан новый подход к языку как к социально обусловленной системе синхронических знаков, которые обладают значимостью лишь в сети различий и противопоставлений. Исходя из этой теории, И. Трир порывает с традиционными учениями и самой концепцией значения, которая, по его мнению, предопределяет атомистический подход к языковым фактам, и публикует свой основной труд¹, где он пытается развить сосюрский принцип системного изучения языка, применяя его к диахроническому исследованию семантических «полей».

Таким образом, развитие семантики пошло по двум различным путям: с одной стороны, разрабатывалась теория семантического поля, с другой стороны, продолжалось традиционное изучение значения². Эти два направления все более и более отдалялись друг от друга.

¹ J. Trier, *Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk der Verstandes. Die Geschichte eines sprachlichen Feldes*, Bd. I — Von den Anfängen bis zum Beginn des 13. Jahrhunderts, Heidelberg, 1931.

² См., помимо названных С. Ульманом, еще следующие работы: К. Reuning, *Joy and Freude. A comparative study of the linguistic field of pleasurable emotions in English and German*, Swarthmore, 1941; S. Ohman, *Wortinhalt und Weltbild. Vergleichende und methodologische Studien zur Bedeutungslehre und Wortfeldtheorie*, Stockholm, 1951; е е же, *Theories of the linguistic field, «Word»*, vol. 9, № 2, 1953; G. Matoré, *La méthode en lexicologie. Domaine français*, Paris, 1953; В. Weman, *Old English semantic analysis and theory, with special reference to verbs denoting locomotion*, Lund, 1933, А. Rudskoger, *Fair, foul, nice, proper. A contribution to the study of polysemy*, Stockholm, 1952.

В своих работах С. Ульман пытается показать, что в действительности никакой непреодолимой противоположности между двумя подходами к проблемам семантики нет. Центральным понятием теории семантического поля является заимствованное у Ф. де Соссюра понятие значимости. Но Ф. де Соссюр оперирует еще категориями означающего и означаемого, которые соответствуют имени и смыслу у С. Ульмана. Каждое слово входит в ряды, основанные на ассоциации либо имен, либо смыслов, либо того и другого вместе. Эти ряды Ш. Балли впоследствии назвал ассоциативными полями. Семантические (или лингвистические) поля И. Трира — это частный случай ассоциативных полей. Они основаны на ассоциации понятий (смыслов, означаемых). Однако понятия, или смыслы, предполагают имена, а значит, и отношение к ним (по терминологии С. Ульмана — «функциональное» значение).

На первый взгляд кажется, что цель исследования С. Ульмана достигнута: продемонстрирована совместимость структуральной теории семантического поля и понятия значения. При более пристальном анализе оказывается, однако, что преодоление «кризиса», как и самый «кризис», иллюзорны. Во-первых, синтез достигнут на основе понятия «функционального» значения, которое к традиционной семантике не имеет никакого отношения. С. Ульману удалось лишь продемонстрировать, что его система совместима с теорией семантического поля. Во-вторых, эта теория является методом исследования системы понятий и понятийных значимостей, а не методом анализа семантических явлений. К структурализму и семантике она имеет лишь косвенное отношение. Дело в том, что семантической стороне языка в гораздо меньшей степени, чем морфологии и фонологии, свойственна системность. Значимость морфологических и фонологических единиц носит чисто лингвистический характер, так как определяется исключительно в сети противопоставлений единиц одного порядка. Категория падежа существует как таковая только в том случае, если имеется противопоставление по крайней мере двух форм. В противоположность этому при существовании в языке слова *стол* нет никакой внутренней лингвистической необходимости для наличия в нем слова *стул* или *шкаф*; с другой стороны, наличие в языке слова *стол* объясняется не тем, что в нем есть слова *стул* и др., а исключительно внешними причинами — наличием в реальной действительности предметов (стол и др.), которые должны быть обозначены.

Это не значит, конечно, что семантический аспект языка представляет собой хаотическое нагромождение единиц, не организованных никакой системой. Семантике свойственна частичная системность, которая проявляется прежде всего

в таких категориях, существование которых не предопределяется логически. «Логический» язык предполагает, что каждое понятие выражается лишь одним звуковым комплексом и каждый звуковой комплекс выражает лишь одно понятие. Следовательно, системность свойственна семантике в такой мере, в какой ей присущи категории синонимии, полисемии, омоимии. Наиболее содержательным является у С. Ульмана анализ именно этих категорий. Кроме того, системность семантики проявляется в связи словаря с системой грамматики; однако этот аспект, как мы видели, С. Ульман совершенно не рассматривает.

Попытку С. Ульмана распространить общие принципы своей теории на изучение отдельных языков следует признать неудачной, так как в соответствующих книгах и статьях дается не столько описание и анализ семантических систем конкретных языков, сколько изложение общих закономерностей в духе «Принципов семантики», проиллюстрированных материалом того или иного языка¹.

Это не значит, однако, что семантическая концепция С. Ульмана не выдержала испытания практикой. Плодотворные мысли и интересный фактический материал, содержащийся в его работах, являющийся залогом того, что творческая переработка этой концепции даст действительно значительные результаты.

Ю. Д. Апресян

¹ Содержательный и детальный анализ «Очерка французской семантики» можно найти в рецензии У. Вайнрайха («Language», vol. 31, № 4, 1955).

E. Benveniste. Études sur la phonétique et l'étymologie de l'ossète. «Bull. de la Société de linguistique de Paris», t. LII, fasc. 1.—1956, стр. 6—59.

Обращение к осетинскому языку такого знатока иранского и индоевропейского языкознания, как Э. Бенвенист, заранее представляется многообещающим. Рецензируемая работа не обманывает этих ожиданий. Как и ранее опубликованные статьи Г. Байли и И. Гершевича¹, работа Э. Бенвениста дает много ценного для исторической фонетики и этимологии осетинского языка.

Исследование распадается на две главы. Первая посвящена вопросам исторической фонетики. Рассматриваются следующие явления: эпниеза гласных *i* и *u* (стр. 7 и сл.); история *v* и *w* (стр. 9 и сл.); случаи геминированного *tt* и *tt* из *θ* (стр. 16 и сл.); упрощение групп *θn*, *fn* и *sn* в *n* (стр. 17 и сл.); развитие *θu* → *cu*, *θu* → *ca* (стр. 21—27); развитие *ry* → *l* (стр. 28); метатезы

gr → *rğ*, *dr* → *rd* (стр. 32 и сл.); развитие *vr* → *ærv* (стр. 34); *θr* → *rt* (стр. 36 и сл.); *-pr* → *-rf* (стр. 38 и сл.); *fr* → *r* (стр. 39 и сл.) и некоторые др. Большинство приведенных звуковых явлений рассматривалось уже и раньше. Но для их иллюстрации Бенвенист привлекает новый материал².

Вторая глава содержит сравнительно-лексикологические и этимологические excursus по отдельным словам. В этом же номере журнала (стр. 60—71) помещена другая статья Э. Бенвениста — «Analyse d'un vocabulaire primaire: indo-européen *bhagubras», где также привлекается осетинский материал.

Ввиду того, что статья Бенвениста не снабжена указателем, считаем полезным привести алфавитный перечень привлекаемых им осетинских слов с указанием страниц: *ajdæn* «зеркало» (9), *ajk* «ийцо» (9), *aly* «всякий» (30), *Aminon* «божество загробного мира» (52), *arazæ* «руль» (33), *ardawyn* «подстрекать» (58), *arθævnæ* «клещи» (33), *awæž* «борозда» (14), *az* «год» (41), *cædawæg* «несомненно» (13), *cæfsær* «челюсть» (52), *cæfsin* «хозяин» (18), *æğdaw* «обычай» (50), *cælvæsyn* «извлекать» и пр. (34 и сл.), *cæmbærzyn* «покрывать» (11), *cæncajyn* «переставать» и пр. (24, 26), *cængwylž* «палец» (31), *cænsedun* «подстрекать» (57 и сл.), *cærdong* «стая» (33), *cærgæwæg* «застежка» (33), *cærtajyn* «купать» (44), *cærwæd* «калым» (34), *cærwæz* «стадо» (34), *cævgid* «порука» (47), *cævgæd* «роды» (15), *cævzag* «язык» (10), *cævzær* «дурной» (10) *cæwærdyn* «мять» (45), *cæwsyr* «серб» (38), *bazyg* «рука» (63), *bæğdwan* «ответственность» (46), *bæžgyn* «толстый» и пр. (19 и сл.), *bæžzyn* «годиться» (20), *boðæn* «чеснок» (15), *byğdæg* «открытый» (46), *byryn* «клюв» (53), *cæst* «петля» (7), *cæst* «пир» (28), *cæst* «глаз» (8), *cæstysyg* «слеза» (8), *cæwæt* «потомство» (23), *cæwyn* «идти» (21), *cetun* «составить на вид» (48), *cid* (частица) (48), *swan*, *cawæn* «охота» (23), *cyd* «ход» (22), *cyrd* «проворный» (8), *cyt* «почет» (47), *daw* «обвинение» (13), *fat* «стрела» (46), *fæzæl* «тонкая нить в игольном ушке» (28), *fæzæzsyn* «поручать» и пр. (31 и сл.), *fældajyn* «увлажнять» (44), *fænyk* «зола» (19), *fæst* «шерсть» (7), *fist* «шерсть весенней стрижи» (7), *fistæg* «пеший» (7), *fiw* «жир» (11), *fyd* «зло» (8), *fydox* «скорбь» (8), *fysyn* «хозяин» (8), *idæwyn* «отрицать, заперяться» (13), *iræd* см. *cærwæd*, *ivazn* «сажень» (65 и сл.), *ivazyn* «тянуть» (64 и сл.), *ivæarsyn* «развлекать» (45), *iw* (частица) (48), *izazun* «поднимать рычагом» (13), *kad* «слава» (47), *kælæn* «колдовство» (28), *kændys* (название растения) (59), *kilt kænyn* (äitt k.) «слушаться» (47), *küsart* «заколотое согласно ритуалу животное» (36 и сл.), *küvyn* «молиться» (11),

¹ См. обзор «Последние зарубежные труды об осетинском языке», ВЯ, 1957, № 4, стр. 108—109.

² Впрочем, как увидим ниже, приводимые примеры также не всегда оказываются новыми.